

А. В. Харламова
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
anastasia_kharlamova@icloud.com

ДИФТОНГИ [ea] и [oa] в АРУМЫНСКИХ ГОВОРАХ Г. СЕЛЕНИЦА (АЛБАНИЯ) И С. АНИЛИО (ГРЕЦИЯ)¹

Статья посвящена сопоставлению фонетических характеристик дифтонгов [ea] и [oa] в арумунских говорах Селеницы (Музекея, Албания) и Анилио (Пинд, Греция). Базой для работы послужили аудиоматериалы, записанные нами в 2018–2019 гг.

Инструментальный анализ материалов показывает, что [ea] и [oa] присутствуют в обоих говорах, однако в Селенице их произношение нисходящее, в Анилио же — восходящее. По нашей гипотезе, говор Анилио отражает исконное арумунское состояние, а в говоре Селеницы характер дифтонгов изменился под влиянием албанской фонологии. Гипотеза подробно рассмотрена на фоне имеющихся данных балканистики, фонологии и типологии.

Ключевые слова: дифтонги, языковые контакты, арумунский язык, албанский язык.

A. V. Harlamova
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
anastasia_kharlamova@icloud.com

Diphthongs [ea] and [oa] in the Aromanian dialects of Selenica (Albania) and Anilio (Greece)

The article is dedicated to the comparison of phonetic characteristics of the diphthongs [ea] and [oa] in the Aromanian dialects of Selenica (Muzeqe, Albania) and Anilio (Pindos, Greece). The study is based on audio materials we recorded in 2018 and 2019.

In an overview of existing research of the Aromanian dialects of Selenica and Anilio, we show that these dialects have not been studied separately from the linguistic point of view. As diphthongs [ea] and [oa] are among the key features used to distinguish the North and South Aromanian dialect zones, they have been chosen as the focus of our study: the expectation was that [ea] and [oa] would be absent in the dialect of

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РФФИ № 19-18-00244 «Балканский билингвизм в доминантных и равновесных контактных ситуациях в диахии, диахронии и диастратии» и № 22-48-09003 «Атлас балканского языкового ареала».

Selenica (North Aromanian) and present in the dialect of Anilio (South Aromanian).

However, the instrumental analysis of our data shows that [ea] and [oa] occur in both dialects, but in Selenica they are pronounced as falling diphthongs, while in Anilio as rising ones. Our hypothesis is that the dialect of Anilio reflects the original Aromanian pronunciation, but in the dialect of Selenica the diphthongs' character has been changed due to the influence of Albanian phonology, since most of the Albanian diphthongs are falling. Therefore, we are dealing with the borrowing of linguistic patterns rather than linguistic units; a process documented in studies of typology and specifically the Balkan languages.

Other studies show that a reverse process occurs in Pindos where Anilio is located, since the northwestern Greek dialects have developed diphthongs likely due to the contact with Aromanian. The different directions of borrowing in the language contact situations of Selenica and Anilio may be explained by the fact that Albanian diphthongs are very frequent while Standard Greek has no phonological diphthongs.

Our study contributes to the research of the phonetic and phonological nature of diphthongs and shows that phonological conclusions should be drawn based on a thorough phonetic analysis.

Keywords: diphthongs; language contact, Aromanian language, Albanian language

Введение

В настоящем исследовании впервые проводится сопоставление фонетических характеристик двух территориальных вариантов арумунского языка — говоров г. Селеница, расположенного в южноалбанской краине Малая Мюзекья, и с. Анилио, которое находится в общине Мецово периферии Эпир (Греция).

Эти говоры практически не изучены в лингвистическом аспекте. Из научных работ, имеющих в нашем распоряжении, говор Селеницы упоминается в обзоре арумунских населённых пунктов Юго-Восточной Европы Т. Каля (Kahl 1999), в посвящённой арумынам Албании монографии (Riska 2005), в «Лингвистическом атласе арумунского диалекта» Н. Сараманду (Saramandu 2014), в исследовании фрако-дакийских реликтов в румынском языке (Brâncuș 2009), а также в описаниях предварительных этапов нашей работы (Harlamova 2019б), однако он ранее не был исследован подробно.

Говор Анилио упомянут в (Kahl 1999); кроме того, его материалы были собраны экспедициями В. Дамена и Й. Крамера, результаты которых были приведены в (Römer et al. 1977; Kramer et al. 1978; Kramer et al. 1981) и унифицированы в

(Dahmen, Kramer 1985; Dahmen, Kramer 1994), но в ходе этих экспедиций основной акцент был сделан на изучение лексики, тогда как вопросы фонетики были затронуты лишь атомарно в виде комментариев к тем или иным словоформам, представлявшим интерес для авторов.

Селеница находится примерно в 15 км к северо-востоку от Влёры; ее население, согласно переписи 2011 года, составляет 2235 человек — православных арумын и албанцев-мусульман. По утверждениям наших информантов, арумын в городе примерно две трети, основная масса арумынского населения прибыла из Воскопой в XVIII в., что согласуется с историческими данными об упадке Воскопой и массовых переселениях оттуда в этот период (Chernyak 1990: 201). Албанцы, как сообщили нам информанты, стали приезжать в Селеницу только в начале XX в. в связи с расширением работ по добыче битума рядом с городом.

Анилио (арум. Кьяре — Hitas 2017: 11) — полностью арумынское село (за исключением незначительного количества греков и албанцев, приезжающих из других регионов для работы в гостиничном бизнесе), расположенное примерно в 5 км от арумынского культурного центра Мецово; по данным 2011 года, в Анилио проживает 587 человек. Впервые упоминается в XVIII в. (Hitas 2017: 41).

В (Saramandu 2014) Селенице посвящён крайне небольшой объём текста на стр. 33–34. Упомянуто, что проживает в Селенице около 8000 человек², а говор местных арумын относится к фаршеротской группе. Необходимо отметить, что единственный информант из данного населённого пункта, чья речь была записана составителями атласа, — Козма Митро (1948 г. р.); он впоследствии был и нашим информантом, и, на наш взгляд, репрезентативным образцом говора его речь считаться не может, так как г-н Митро — выпускник филологического факультета Тираны, до выхода на пенсию преподаватель языков, а также знаком с методами ведения полевых лингвистических исследований. Так, например, авторам атласа г-н Митро сообщил, что арумыны Селеницы называют себя арумынами-фаршеротами, хотя мы в ходе нашей работы не встречали лексемы «фаршероты» в качестве сколько-нибудь употребительного этнонима —

² Подобные расхождения в оценке численности населения, на наш взгляд, связаны с тем, учитываются или не учитываются при подсчётах близлежащие — также арумынские — сёла.

вероятнее всего, г-н Митро назвал наиболее «научное», «правильное» из известных ему наименований арумын.

В (Kahl 1999) указано, что Селеница — ставшее постоянным бывшее зимнее поселение, в котором минимум 50% населения — арумыны (Kahl 1999: 144), тогда как Анилио — ставшее постоянным бывшее летнее поселение; 100% его населения — арумыны (Kahl 1999: 134). Каль также отмечает, что арумыны Селеницы в культурном плане ориентируются как на Румынию (под влиянием Общества арумын Албании, организованного при румынском посольстве в Тиране), так и на Грецию (Kahl 1999: 76) и что в Анилио сформировано общество арумын, входящее в Общегреческое объединение культурных сообществ влахов (Kahl 1999: 70). Относительно диалектной принадлежности говоров Селеницы и Анилио у Калья сведений нет, но упомянуто, что жители Селеницы — мюзекеры (Kahl 1999: 144).

В арумынском диалектологическом атласе (Neiescu 1997) не упомянуты ни Селеница, ни Анилио, однако данный атлас примечателен тем, что является одной из немногих работ, где мюзекерские говоры арумынского языка эксплицитно рассматриваются как отдельная от фаршеротских говоров группа; кроме того, отдельно выделяются говоры «качаунов», об отличиях которых от мюзекерской речи сообщали и наши информанты (Neiescu 1997: 15).

В исследовании Г. Брынкуша Селеница названа в числе арумыноязычных пунктов Албании, в которых были собраны лексические материалы (палеобалканский фонд), однако за пределами кратких описаний лексем, обнаруженных в её говоре, больше никаких данных по последнему не приводится (Brâncuș 2009: 95–119).

Согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, специальных лингвистических исследований арумынских говоров этих населённых пунктов прежде не проводилось. В силу географического положения последних наша изначальная рабочая гипотеза состояла в том, что говор Селеницы относится к северноарумынской диалектной зоне (Н. Сараманду обозначает его как фаршеротский (Saramandu 2014: 34)), а говор Анилио — к пиндским говорам южноарумынской зоны. В качестве основных признаков, по которым различаются северная и южная диалектные зоны, Б. П. Нарумов называет противопоставление [ə] и [i] (отсутствует в северных, присутствует в южных) наличие дифтонгов [ea] и [oa] (в северных подвергаются монофтонгизации, в южных сохраняются), наличие неслоговых

конечных [i] и [u] (в северных могут утрачиваться, в южных сохраняются) (Narumov 2001: 638).

Целью нашего исследования является контрастивное описание и объяснение причин различий между изучаемыми говорами. Задачи — сравнение говоров Селеницы и Анилио по критерию наличия/отсутствия дифтонгов [ea] и [oa], выявление в обоих говорах характеристик исследуемых дифтонгов и/или звуков, появившихся в результате их монофтонгизации, сопоставление ситуаций арумынско-албанской (Селеница) и арумынско-греческой (Анилио) фонетической интерференции на частном примере процессов, затрагивающих [ea] и [oa] в говорах данных населённых пунктов, обобщение наблюдений и их содержательная интерпретация.

Дифтонги [ea] и [oa] появились в восточнороманских языках ещё в ходе становления данной группы, возникнув в результате дифтонгизации латинских, а также славянских [e] и [o] перед слогами, содержащими [a], [ə] или [e] (Rosetti 1943: 21–22). Наличие/отсутствие дифтонгов [ea] и [oa] — одна из основных изоглосс, разграничивающих арумынские диалектные зоны (см. выше); падение дифтонгов характеризуется как «основная черта, отличающая говор фаршеротов» (Marković 2007: 19). В связи с этим [ea] и [oa] и их фонетические характеристики в рассматриваемом материале и были выбраны предметом настоящего исследования.

В исследовании использовались методы полевой лингвистики (анкетирование, запись нарративов и диалогов), инструментально-акустического анализа (согласно принципам, выработанным в Лаборатории модулирования речевой деятельности СПбГУ и Лаборатории фонетики Оксфордского университета), а также согласно методологии описательной и сравнительной диалектологии, ареальной балканской и общей типологии.

Полевая работа в Селенице и Анилио. Языковая ситуация в исследуемых пунктах

В Селеницу нами было проведено четыре экспедиции: в июне 2018 г. и в мае, июне-августе и сентябре 2019 г.; наша экспедиция в Анилио состоялась в феврале 2019 г. Было установлено, что в обоих пунктах уровень владения арумынским варьируется от свободного среди старшего поколения до начального среди младшего, в связи с чем нашими основными информантами стали представители старшего поколения — г-жа Эли

Префтай (65 лет) в Селенице, г-жа Артемисия Капети (84 года) в Анилио.

При помощи программы Voice Memos на iPhone нами было записано около 12 часов спонтанной речи и ответов на вопросы специальной фонетической анкеты из Селеницы и около 7 часов из Анилио: нарративы и диалоги на арумьинском языке и доминантном языке региона. Транскрибирование собранных материалов проводится с использованием программ Sound Forge 13 и Speech Analyzer. Sound Forge, на наш взгляд, больше всего подходит для чернового транскрибирования с использованием, как правило, только осциллограмм, в то время как Speech Analyzer мы чаще всего используем для анализа уже транскрибированного материала или уточнения сделанной первоначальной транскрипции — в частности, для установления величин формант.

Транскрипция была записана Международным фонетическим алфавитом³.

В ходе исследования было выявлено, что языковая ситуация в Селенице и Анилио сходна: все арумьины билингвальны, арумьинский язык преимущественно используется старшим поколением, младшее поколение говорит на нём плохо или знает только отдельные слова и фразы. Однако в Селенице престиж языка более высок, чем в Анилио: молодые арумьины Селеницы, даже знакомые с арумьинским языком только на начальном уровне, сообщали нам, что планируют изучать его, в то время как представители младшего поколения в Анилио в ответ на вопрос об арумьинском языке сообщали, что это «язык бабушек и дедушек». Кроме того, информанты из Селеницы используют арумьинский язык в повседневном общении с детьми, в то время как в Анилио мы наблюдали повседневное общение на арумьинском (без стимуляции с нашей стороны) только между представителями старшего поколения.

Можно предположить, что это связано с тем, что в Селенице, где проживают две этнические группы (арумьины и албанцы-мусульмане), чётко осознающие свои различия, язык является одним из ключевых маркеров религиозно-культурной идентичности, в то время как Анилио, за вычетом немногочисленных приезжих, — чисто арумьинское село, поэтому необхо-

³ В том числе символами МФА являются [R] (обозначение дрожащего увулярного) и [j] (обозначение йота/звонкого палатального аппроксиманта).

димости подчёркивать свою этническую принадлежность перед ближайшими соседями у жителей нет.

В соответствии с нашей рабочей гипотезой о диалектной принадлежности исследуемых говоров, мы ожидали, что в говоре Селеницы дифтонгов [ea] и [oa] обнаружено не будет, в то время как в материалах из Анилио они будут присутствовать. В результате проведённого анализа было установлено, что эти дифтонги фиксируются в записях из обоих населённых пунктов (например, [də'mneatsə] 'утро', [moaʃə] 'старуха.NOM.PL' в Селенице, [ts'eap'] 'луковица.NOM.PL', [a'tvoanə] 'обручение' в Анилио), однако их фонетические характеристики различны для говора Селеницы и говора Анилио.

Зафиксированные нами дифтонги, как мы установили с опорой на (Papaḡagi 1974), в большинстве случаев являются этимологически исконными ([k'eamə] 'звать.PRS.3PL', [soakra] 'свекровь.DEF' в Селенице, [bə'searikə] 'церковь', [a'oa] 'здесь' в Анилио). Лексемы неисконного происхождения, содержащие дифтонги, в транскрибированных к настоящему моменту материалах единичны (например, [xoa] (в Селенице)/[xoaŋ] (в Анилио) 'село' < греч. χωρά).

Дифтонги могут как реализоваться полностью, так и редуцироваться в одних и тех же лексемах; оба вида реализации данных звуков могут иметь место и в корнях ([feta]/[feta] 'дочь.DEF'), и в аффиксах ([mea]/[me] 'моя'). Кроме того, как произнесение дифтонга полностью, так и его монофтонгизация были зафиксированы в речи одних и тех же информантов, в том числе в пределах одного и того же монолога (например, г-н Паскаль Котта, информант из Селеницы, произнёс [oam] 'люди' и сразу же, поясняя значение слова на албанском, добавил [om_n'ers]).

[ea] и [oa] в говоре арумын Селеницы

В транскрибированных на данный момент материалах из Селеницы (1:53:14) мы обнаружили и словоформы с полным произнесением дифтонга (см. таблицу 1), и случаи редукции дифтонга до монофтонга (см. таблицу 2). Здесь и далее в таблицах сначала приводятся словоформы с дифтонгом в корне, затем с дифтонгом во флексии.

Таблица 1. Словоформы с полностью реализованным дифтонгом

Ожидаемая форма	Зафиксированные формы	Перевод
[dimi'neatsə]	[də'mneatsə] (1)	‘утро’
['feata]	['feata] (1)	‘дочь.DEF’
['featə]	['featə] (1)	‘дочь’
['kl'eamə]	['k'eamə] (1)	‘звать.PRS.3PL’
[a'vea]	[a'vea] (2) [a'v'ea] (1) [a'bea] (1)	‘иметь.IPF.3SG’
[fə'tsea]	[fə'ts'ea] (1) [fu'tsea] (1)	‘делать.IPF.3SG’
['mea]	['mea] (1)	‘моя’
[f'e'dzea]	[s'i'dzea] (1) [s'jə'dzea] (1)	‘сидеть.IPF.3SG’
['hoarə]	['xoa] (1)	‘село’
['moaʃe]	['moaʃə] (1)	‘старуха.NOM.PL’
['noastra]	['noastə] (1) ['noas] (1)	‘наша’
['noastre]	['noastr'i] (1)	‘наши.F’
['oam'in'i]	['oam] (1) ['oamn'i] (1) ['oamn'a] (1)	‘люди’
['soakra]	['soakra] (1)	‘свекровь.DEF’
['soakri]	['soakri] (1)	‘свекровь.GEN.SG’

Таблица 2. Словоформы с редуцировавшимся дифтонгом. Случаи редукции до второго компонента отмечены курсивом

Ожидаемая форма	Зафиксированные формы	Перевод
[bi'searikə]	[b'i's'eRka] (1) [b'i'serka] (2) [b'i'serkə] (3) [bə'serkə] (1) [bə'serk'e] (1) [bə's'eRkə] (1) [b'i'sek] (1) [b'i'seR] (1) [bə'ser'] (1)	‘церковь’

[dimi'neatsə]	[dumə'netsa] (1) [də'mn'etsa] (1)	‘утро’
['easti]	['est'i] (12) ['est'] (1) ['esti] (4) ['est'e] (1) ['jastə] (1) ['jes't'i] (2) ['estə] (4) ['əstə] (3) ['es'i] (3) ['əsi] (1) ['əs'i] (1)	‘быть.PRS.3SG’
['featə]	['feta] (2) ['fet] (1) ['fetʃ] ⁴ (1)	‘дочь’
[kur'tʃeəua]	[kur'tʃ'aua] (1) [kur'tʃ'au] (2) [kur'cɕau] (1)	‘Корча’
[mu'l'earə]	[mu'l'jera] (3) [mu'l'jer] (5) [mu'l'je] (1) [mu'l'er] (2) [mu'l'ira] (1) [məl'jera] (3) [mujera] (1)	‘жена’
[a'tsea]	[a'tsa] (5)	‘эта’
[a'vea]	[a've] (8) [o've] (4)	‘иметь.IPF.3SG’
[fə'tsea]	[fə'tse] (1) [fə'tsə] (1)	‘делать.IPF.3SG’
['mea]	['me] (4)	‘моя’
[nu'mea]	['num'ə] (1)	‘называть.PRS.3SG’
[a'proape]	[a'prop'i] (3) [a'prop'ə] (1)	‘приблизительно’
[doausprə'dzatsə]	[ntauspə'rdzatsə] (1)	‘двенадцать’
['hoarə]	['xorə] (1) ['xor] (3)	‘село’

⁴ В данном случае имеет место стяжение [t] с начальным звуком последующей словоформы *și* ‘и’.

['noastra]	['nostə] (5) ['nosə] (1) ['nos] (1)	‘наша’
['oamni]	['om] ⁵ (1) ['amn'i] (2)	‘люди’
['oarə]	['ora] (1)	‘раз; час’
['roate]	['rotə] (2)	‘могут’
['roartə]	['porta] (1)	‘дверь’
['soakrə]	['sokre] (2)	‘свекровь’

Даже при полной реализации дифтонга его первый элемент, как правило, более чем вдвое превосходит второй по длительности. Произведённые при помощи Speech Analyzer замеры величин первой и второй формант на различных отрывках дифтонга (20%, 50% и 75% от общей длительности звука) демонстрируют, что длительность первого элемента дифтонга составляет более 50% от общей, в связи с чем в случаях монофтонгизации монофтонг в большинстве случаев совпадает по параметрам также именно с первым элементом ([ea] > [e], см. рис. 1; [oa] > [o], см. рис. 2).

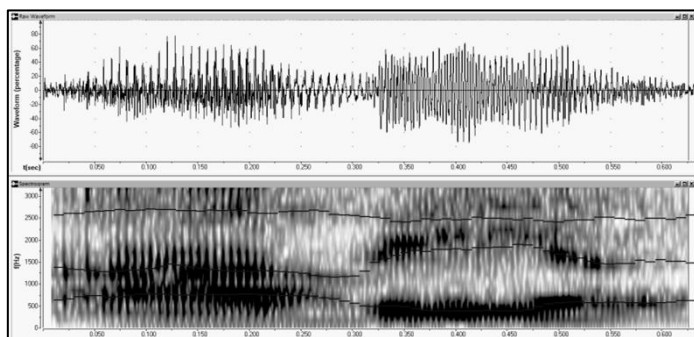

Рис. 1. avea [a'vea] ‘иметь’ в говоре Селеницы. Осциллограмма и спектрограмма с обозначением величин формант

⁵ Спорный случай, так как, возможно, информантом подразумевалась форма единственного числа *om* ‘человек’. Однако в монологе это слово было переведено албанской формой множественного числа *njerëz* ['om'n'ers] и использовалось в контексте, также предполагающем форму множественного числа (речь шла о численности населения Воскопои).

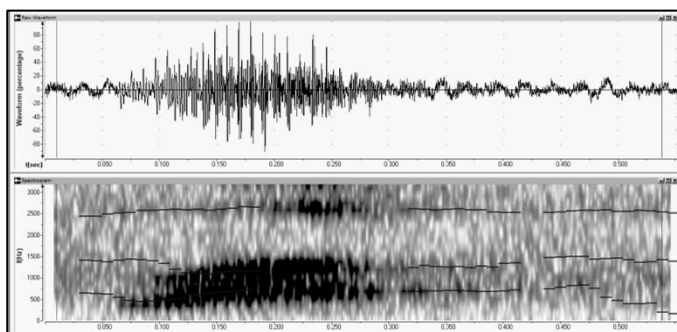

Рис. 2. оарт [oart] 'восемь' в говоре Селеницы. Осциллограмма и спектрограмма с обозначением величин формант

Исключения, как мы можем видеть из таблиц, единичны, причём, что касается топонима 'Корча', высока вероятность, что в случае с ним имела место лексикализация формы [kurtʃau] по всем албанским диалектам арумынского языка.

Переход дифтонгов в соответствующий первому элементу монофтонг под влиянием фонетической системы доминантного/обладающего престижем языка наблюдается и в других балканских идиомах, например, в румынских заимствованиях в славянских говорах микрорегиона Карашево (Копуог 2022: 67).

[ea] и [oa] в говоре арумын Анилио

В проанализированных на данном этапе материалах из Анилио (00:10:20), где ожидалось бы дифтонги, также реализуются и с полностью сохранённым дифтонгом (см. таблицу 3), и с дифтонгом, подвергшимся редукции (см. таблицу 4).

Таблица 3. Словоформы с полностью реализованным дифтонгом

Ожидаемая форма	Зафиксированные формы	Перевод
['beau]	['bea] (2)	'пить.PRS.1SG'
[bi'searika]	[bə'searikə] (1) [bə'sear'ikə] (1)	'церковь.DEF'
[bi'searikə]	[bə'searikə] (1)	'церковь'
['easti]	['eas'i] (1) ['easti] (1) ['eastə] (1)	'быть.PRS.3SG'
['feata]	['feata] (1)	'дочь.DEF'

['featə]	['featə] (1)	‘дочь’
[grə'pseafte]	[γrə'pʃeafʲti] (1)	‘писать.PRS.3SG’
['kearə]	['g'earə] (2) ['k'ear'] (2) ['k'ear] (1)	‘Кьяре (арумынское название Анилио)’
['nveasta]	['nveasta] (3) ['nveasə] (1)	‘невеста’
['nveastəl'ej]	['nveastəl'je] (1)	‘невеста.DAT.SG’
[pə'reasin'li]	[o'reasədi] (1)	‘пост’
['tseapi]	['ts'eaɸ'] (1)	‘луковица.NOM.PL’
[a'tseali]	['tseal'] (1)	‘те’
[a'tseam]	[ə'tseam] (2)	‘приносить.IPF.1PL’
['di'ani]	['dean'] (1)	‘PREP.GEN год.PL’
['lunea_a'tseam]	[lunea'ts'am] (1)	‘в понедельник приносим’
[va si afla]	[və's'eaf'l'a] (1)	‘открыть.FUT.3SG’
[va si afla]	[və's'eaf'l'ə] (1)	‘открыть.FUT.3PL’
[a'oa]	['oa] (5) [a'oa] (9) [ə'oa] (1)	‘здесь’
[a'oatsi]	[a'oats] (1) [a'oats'i] (1)	‘здесь’
[arə'voanə]	[a'rvoanə] (1)	‘обручение’
['hoara]	['xoarə] (1)	‘село’
['oarə]	['oarə] (1)	‘раз; час’
['oatsi]	['oatsə] (1)	‘здесь’
[tsearə]	[tsear'i] (1)	‘свеча’

Таблица 4. Словоформы с редуцировавшимся дифтонгом.

Ожидаемая форма	Закрепленные формы	Перевод
[bi'searika]	[bə's'ar'ika] (1)	‘церковь.DEF’
['easti]	['jas'i] (1) ['jasti] (1)	‘быть.PRS.3SG’
['gean ¹]	['jan'ə] (1)	‘душа.NOM.PL’
[γi'nea]	[γ'i'n'a] (1)	‘прийти.IPF.3SG’
['kearə]	[k'jar] ⁶ (1)	‘Кьяре (арумынское название Анилио)’
[pə'reasin'li]	[pə'r'asədl'i] (1)	‘пост’

⁶ Спорный случай по причине слабой разборчивости речевого потока.

[tseal]	' [ts'al] (1)	‘этот’
[a'tsea]	[a'ts'a] (1) [a't's'a] (1)	‘эта’
[a'tseam]	' [ts'am] (2)	‘приносить.PRS.1PL’

Как мы видим, в противоположность наблюдаемой в Селенице картине, при редукции в дифтонгах в речи арумын Анилио утрачивается или существенно сокращается первый компонент.

Проведённые при фонетическом анализе замеры демонстрируют, что и в реализованных полностью дифтонгах в большинстве случаев второй компонент составляет свыше 50% от общей длительности звука (см. рис. 3–4).

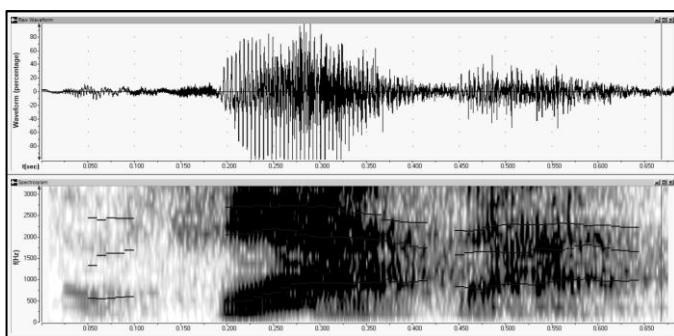

Рис. 3. feata [ˈfeata] ‘дочь.DEF’ в говоре Анилио. Осциллограмма и спектрограмма с обозначением величин формант

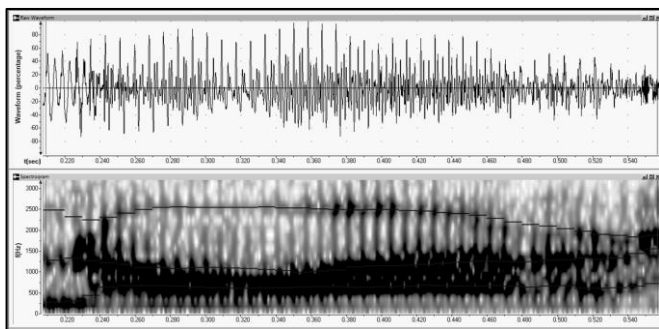

Рис. 4. oarə [ˈoarə] ‘раз; час’ в говоре Анилио. Осциллограмма и спектрограмма с обозначением величин формант

Описанные нами различия в произнесении дифтонгов и закономерностях их редукции в Селенице и Анилио отражены и в письменной речи. Так, в Селенице арумынская надпись на

табличке перед церковью гласит *Biserica Aȳiu Thanas* ‘Церковь святого Афанасия’, а в книге уроженца Анилио (Hitas 2017) при транслитерации арумынских текстов греческим алфавитом ударение ставится на второй элемент дифтонга — например, *Κεάρε* (*Cheare*) ‘Анилио’, *Βουλόαγκα* (*Vuloaga*) ‘Поляна (элемент топонима)’ (Hitas 2017: 11, 24 и др.).

Дифтонги в других арумынских говорах Албании и Греции

Сведения о фонетических свойствах дифтонгов в арумынских говорах Албании и Греции крайне малочисленны.

Подробных исследований фонетических особенностей арумынских говоров Албании нам не известно, так как активное развитие инструментальной фонетики и возрастающая доступность звукозаписывающей аппаратуры в XX веке совпали с периодом албанского коммунизма, когда албанские учёные не имели доступа к техническим новшествам, а у зарубежных исследователей не было возможности работать на территории страны.

Одна из немногих работ, где отмечено наличие в северно-арумынских говорах [ea] и [oa] — книга (Coteanu 1961), в которой приведены тексты, произнесенные арумынами из Албании и содержащие дифтонги (Coteanu 1961: 262–263), однако никаких комментариев относительно этого факта автор не приводит.

В атласе арумынских говоров П. Нейеску дифтонги всегда записываются со знаком ударения над вторым компонентом, в связи с чем невозможно определить, в каких идиомах они восходящие, в каких — нисходящие; причём, согласно Нейеску, как албанские и македонские, так и греческие говоры арумынского демонстрируют и нередуцированное произношение дифтонгов, и монофтонгизацию их до первого компонента (Neiescu 1997: 129 и далее).

Весьма любопытным представляется тот факт, что ряд содержащих дифтонги лексем (например, *nveastă* ‘невеста’, *seară* ‘вечер’), по данным Нейеску, произносится с особенно явным ослаблением⁷ первого компонента только в говорах на

⁷ Так как Нейеску не использовал при картографировании Международный фонетический алфавит, под особенно явным ослаблением мы подразумеваем те случаи, когда звук (компонент звука) записан над строкой.

территории Северной Македонии — т. е. где, наоборот, ожидалась бы высокая частотность ослабления второго компонента (Neiescu 1997: 129; 136; 143; 147; 151; 185; 191; 194; 195; 200; 201; 223; 228; 237; 238; 275; 292; 299; 300; 302; 318).

Исключения, за вычетом глагольных флексий, единичны: *ndeasâ* ‘густой лес’, где произношение дифтонга с ослабленным *e* зафиксировано Нейеску в с. Скепури округа Берат в Албании (Neiescu 1997: 148); *oamin’* ‘люди’, *oait* ‘овца’, *deanâ* ‘холм’ и *ahuleaşti* ‘трогать.PRS.3SG’, где ослабление первой фазы дифтонга зафиксировано в с. Пояни округа Фьер в Албании (Neiescu 1997: 222; 224; 270; 311); *să moarǎ* ‘умереть.SUBJ.3SG’, где ослабление присутствует в с. Стан-Карбунара округа Люшня в Албании (Neiescu 1997: 296); ряд глагольных словоформ в имперфекте, где ослабление присутствует в говорах Албании или Греции (Neiescu 1997: 193; 205; 206; 210; 211).

Причины расхождения данных Нейеску как с результатами нашего исследования, так и с большинством имеющихся в нашем распоряжении библиографическими данными могут быть, на наш взгляд, следующими. В фокусе работы Нейеску находится лексический фонд арумынского языка, и в предисловии атласа фонетический аспект работы упоминается вскользь, когда автор отмечает, что алфавит транскрипции был выработан на основе алфавита, разработанного авторами «Румынского лингвистического атласа» (Neiescu 1997: 15). Вследствие этого мы не можем достоверно установить характер произношения дифтонгов, так как, за исключением случаев, когда ослабленный компонент дифтонга записывается над строкой, знак ударения всегда стоит над вторым компонентом.

Другим следствием того, что Нейеску прежде всего исследовал лексику арумынского языка, является различная выборка лексики в нашей работе и его атласе. При записи спонтанной речи информантов мы не ставили себе цели получить, например, редкие лексемы, такие, как *ndeasâ* ‘густой лес’. Так как каждая лексическая единица может подвергаться лингвистическим процессам в различной степени (см., например, выше наше предположение о лексикализации лексемы ‘Корча’ с дифтонгом, редуцировавшимся до второй фазы), это также могло сыграть роль в конечном результате анализа выборки.

Кроме того, в выборку исследуемых Нейеску идиомов не входят говоры Селеницы и Анилио. Даже географически очень

близкие говоры арумынского как языка меньшинства, у которого отсутствует литературный стандарт, могут сильно различаться в лингвистическом плане — так, сами наши информанты утверждали, что в расположенных в нескольких километрах от Селеницы сёлах Армен и Любоне «другой язык».

Обзору арумынских говоров Албании, в том числе рассмотрению особенностей их фонетики, посвящена значительная часть монографии (Riska 2005), но А. Риска прежде всего приводит обобщающую информацию, редко останавливаясь на материалах конкретных диалектов — так, описывая разные варианты реализации дифтонгов (с редукцией второго компонента, без редукции, с редукцией первого компонента), он приводит данные говоров «горных» и «равнинных» арумын, но не поясняет, какие говоры относятся к которой категории и из каких конкретно идиомов взяты данные по дифтонгам (Riska 2005: 92).

В ходе пробной экспедиции по арумыноязычным пунктам Южной Албании (более детальное описание экспедиции см.: Harlamova 2019a) нами помимо речи арумын Селеницы были записаны также аудиоматериалы из г. Корча, с. Воскопоя, с. Косина и с. Андон Почи. На настоящий момент проведён предварительный анализ этих записей; дифтонги обнаружены в записях из Корчи и Андон Почи, причём они имеют восходящий характер. Высока вероятность, что это следствие влияния южноарумынской фонетики — и Корча, и Андон Почи расположены гораздо ближе, чем Селеница, к южной диалектной зоне. Кроме того, зафиксированные на данный момент восходящие дифтонги использовались образованными, многоязычными информантами, которые могли быть знакомы с южноарумынским произнесением.

Что касается южноарумынской зоны, в отчётах о диалектологических экспедициях В. Дамена и Й. Крамера, проводимых в арумынские населённые пункты Греции и Югославии, в издании *Balkan-Archiv* упоминания о фонетических особенностях тех или иных звуков единичны; относительно дифтонгов присутствует только краткий комментарий к записанной в селе Маловиште арумынской словоформе с утраченным дифтонгом (при том, что, как правило, монофтонгизация в говоре села не фиксируется): авторы предполагают, что это, вероятно, следствие македонского влияния (Römer et al. 1977: 122–123).

В изданном М. Коккой сборнике арумынских текстов из села Неа-Зои (периферия Трикала, Греция) (Kokka 1992) первый компонент дифтонгов в транскрипции записывается как полугласный.

В монографии, посвящённой арумынскому говору греческого села Кранея/Турья (Bara et al. 2005), к которой прилагаются сделанные в селе аудиозаписи, дифтонги как отдельные фонемы не выделяются и какие-либо фонетические их свойства также не рассматриваются (Bara et al. 2005: 23), однако приведённые в работе транскрипции демонстрируют восходящий характер [ea] и [oa] — при транскрибировании словоформ с ударным дифтонгом знак ударения ставится перед вторым компонентом (Bara et al. 2005: 19 и далее). Кроме того, в ходе нашей собственной работы с аудиоматериалами из Турьи, методика и результаты которой описаны в (Harlamova 2016), мы установили, что дифтонги в говоре данного села являются восходящими.

Исследования проблемы североарумынских дифтонгов

По-видимому, в связи с тем, что само наличие дифтонгов считается южноарумынской чертой (так, в (Dahmen. Kramer 1976: 68) утверждается, что «у фаршеротов [авторы обозначают всю североарумынскую зону как фаршеротскую] вообще больше нет ни *ea*, ни *oa*»), в нашем распоряжении нет работ, где отдельно рассматривалась бы тема североарумынских дифтонгов и механизма их редукции.

Единственное известное нам исследование, в котором вообще указано на возможность наличия в североарумынской зоне нередуцированных дифтонгов — (Riska 2005), однако подробного рассмотрения этой проблематики в нём не приведено (Riska 2005: 91–92).

В комментариях к англо-арумынскому словарю (Vrabie 2000) без каких-либо указаний на различия диалектных зон оговорено, что «в арум. дифтонге *ea* символ *e* обозначает глайд. Моносиллабические кластеры *ea* и *ia*, особенно после палатальных согласных, практически не различаются в арумынском» (Vrabie 2000: 29), при этом свидетельство североарумынской монофтонгизации до первого компонента присутствует даже в диалектном тексте, приведённом в этих же комментариях (*plioia* < *plioaia* ‘дождь’) (Vrabie 2000: 34).

В арумыноведении давно известно о том, что дифтонги [ea] и [oa] в фаршеротском диалекте редуцируются до соответствующего первому компоненту монофтонга — описания данного явления мы находим в монографии Т. Капидана, с пометой о том, что это оно характерно именно для арумынских говоров Албании (Capidan 1932: 243; 272); в дальнейшем с опорой на Капидана и арумынский атлас (Dahmen, Kramer 1985) на это указывает и Нарумов в (Narumov 2001: 638). Однако нам не удалось обнаружить в известных нам исследованиях наблюдений о различном произнесении самих дифтонгов в северно- и южноарумынской диалектных зонах — так, у Н. Сараманду в обзоре фонетических черт речи пиндских и грамостенских арумын дифтонги записаны со знаками краткости под [e] и [o] (Saramandu 2008a: 158; 2008c: 132), но тот же самый способ записи использован и при описании северноарумынских фонетических явлений (Saramandu 2008b: 172).

Единственная имеющаяся в нашем распоряжении работа, где заострено внимание на различии характера произнесения дифтонгов в разных говорах арумынского — «Язык олимповалахов» Г. Вейганда, однако Вейганд, во-первых, упоминает это различие только применительно к дифтонгу [ea], во-вторых, не указывает, каково распределение вариантов его произнесения по диалектным зонам, отмечая лишь, что «в других диалектах ударение [в дифтонге ea] падает на a, вследствие чего e затем становится закрытым и также переходит в i» (Weigand 1888: 21).

Таким образом, нами впервые установлено, что нисходящий характер произнесения [ea] и [oa], ранее упомянутый Вейгандом, является характерной чертой мюзекерского арумынского говора Селеницы.

Причины различий в фонетических характеристиках дифтонгов

Наша гипотеза в настоящий момент заключается в следующем: исконным для арумынского языка является восходящее произнесение. Это подтверждается как прямыми свидетельствами записи дифтонгов большинством исследователей с обозначением редукции первого компонента — см. выше примеры таких работ (Vrabie 2000; Saramandu 2000a; 2000b; 2000c), —

так и косвенным свидетельством: румынские дифтонги, по сообщению авторов (Rosetti 1958: 27; Chitoran 2002: 203, 204 и далее; Gogin 2006: 2 и далее; Marin 2014: 89 и далее), являются восходящими. Развитие же нисходящего характера у дифтонгов в говоре Селеницы, по нашему мнению, является следствием влияния албанской фонетики, так как частотные албанские дифтонги в идиоме наших информантов — нисходящие⁸.

Примечательно, что в албанских диалектах, где происходит монофтонгизация дифтонга, получающийся в результате процесса монофтонг также совпадает по параметрам с первым элементом изначального звука — это явление наблюдается в арбрешском говоре с. Эянина (Калабрия, Италия), где зафиксирован переход [ua] > [u:] (Altimari 1987: 370), в гегском говоре с. Аррен краины Люма ([ie] > [i]) ([Hoxha 1990: 86), в гегском говоре г. Дуррес ([ue] > [u:], [ye] > [y:], [ie] > [i:]) (Çeliku 1990: 295–296), в тоскском говоре региона Томорица ([ue] > [u:]) (Xhaferri 1990: 338). В некоторых говорах происходит даже вторичная дифтонгизация: так, например, в говоре общины Макеллара (округ Дибер) зафиксированы результаты перехода [ue] > [u] > [ou] (Keshi 1990: 167).

Эти данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в наших материалах из Селеницы наблюдается заимствование не самих по себе звуков, а фонетических закономерностей, характерных для доминантных языков исследуемых населённых пунктов. Следует отметить, что, например, Я. Матрас и Э. Адаму, указывая в посвящённой языковым контактам монографии на разграничение заимствования «лингвистической материи» и копирования «лингвистических закономерностей», тем не менее рассматривают и то, и другое именно в рамках понятия заимствования (Matras, Adamou 2021: 237).

Что касается Анилио, в работе (Baltazani, Topintzi 2009) высказано весьма обоснованное, на наш взгляд, предположение о том, что в греческих диалектах северо-запада Греции наблюдаются результаты влияния арумынской фонетики как раз в плане дифтонгов и дифтонгоидных сочетаний: глайды [j] и [w] именно в исследуемых авторами диалектах, ареал которых во мно-

⁸ За исключением восходящего варианта дифтонга [ie], который в ряде исследований (Cimochowski 1951: 9–10; Veci 1982: 51–52; 2007: 302) рассматривается как отдельная от нисходящего [ie] единица.

гом совпадает с ареалом романских говоров Греции, приобрели характер полугласных, сходный с характером первых компонентов арумьских дифтонгов (Baltazani, Topintzi 2009: 65).

Фонологический аспект проблемы

Изучение дифтонгов в фонологическом аспекте затруднено проблемами с определением самого понятия дифтонга. Ещё А. Росетти отмечает, что «среди лингвистов нет согласия относительно определения дифтонга; определения, которые уже предложены, нередко бывают изменены» (Rosetti 1934: 21). Согласно (Rozental', Telenkova 1985: 64), дифтонг представляет собой «сочетание в одном слове двух гласных — слогового и неслогового». Однако даже это общее определение не всегда применяется исследователями: в статье, посвящённой фонологическому анализу дифтонгов, Л. Забулене отмечает, что относительно данного понятия «следует подчеркнуть отсутствие законченной теории и противоречивость имеющихся» (Zabulene 1976: 87). Действительно, например, в (Ahmanova 1966: 132) одно и то же определение («сочетание двух гласных — слогового и неслогового») даётся и дифтонгу как таковому, и скользящему, или ложному дифтонгу. Насколько мы можем судить по литературе, имеющейся в нашем распоряжении, к настоящему моменту ситуация мало изменилась: «вопрос о фонологической интерпретации дифтонгов до сих пор остаётся спорным» (Baikova, Baikova 2020: 14), авторы работ последних лет признают, что существуют разнообразные определения природы дифтонгов (см., например, обзор подобных определений в (Radnayeveva 2019: 14–15)). И. Мэддисон характеризует поиски определения дифтонга как «особенно проблематичный» вопрос современной фонологии, отмечая, что «термин используется разными авторами для описания трёх весьма различных структурных закономерностей и часто используется непоследовательно даже одним и тем же автором» (Maddieson 2023: 249).

Отдельных исследований, посвящённых фонологическому статусу арумьских дифтонгов, в нашем распоряжении не имеется. По мнению некоторых исследователей, они являются бифонемными сочетаниями — так, М. Караджу-Мариоцеану характеризует их как сочетания полугласных и гласных

(Caragiu-Marioțeanu 1964: 539)⁹. Однако при изучении аналогичных дифтонгов в румынском ещё в 1958 г. Н. И. Дукельский, используя метод пересадки звуков на материале фонограмм, установил, что акустические характеристики [oa] — Дукельский определяет данный звук как дифтонгоид «^oа» — свидетельствуют о том, что «^oа» представляет собой отдельную фонему, а не позиционный вариант /a/ или /o/ (Dukel'skiy 1958: 91–93; 95).

Это подтверждается и современными исследованиями: при изучении аналогичных дифтонгов /ea/ и /oa/ в румынском Й. Киторан и С. Марин было установлено, что их артикуляторные и акустические свойства подтверждают то, что дифтонги являются единой вершиной слога (Chitoran, Marin 2019: 130–131), соответственно, на основании этого мы можем предположить, что /ea/ и /oa/ представляют собой фонемы, а не бифонемные сочетания и в арумынском, так как в плане и артикуляторно-акустических свойств, и дистрибуции арумынские /ea/ и /oa/ достаточно близки к румынским¹⁰.

В фонологическом плане также весьма интересна теория, согласно которой в фонологии одного языка не могут присутствовать одновременно восходящие и нисходящие дифтонги — аргументы в пользу этой теории высказаны, например, в (Booij 1989) на примере материала фризского и других германских языков. Впрочем, полученные другими авторами материалы опровергают такое предположение — в посвящённой сложным гласным монографии Л. Д. Раднаевой описаны дифтонги бурятского языка, где соотношение длительности первого и второго элементов различно (Radnaeva 2019: 146–147).

Однако, как мы считаем, здесь мог сыграть роль тот факт, что выводы работы (Booij 1989) сделаны на основе данных

⁹ Необходимо отметить, что некоторые исследователи, например, А. Росетти, считают румынские [j] и [w] полусогласными, отличая их тем самым от полугласных — первых компонентов дифтонгов (Rosetti 1960: 60). При этом сам же Росетти ранее утверждал, что йот является полугласным (Rosetti 1943: 20). Таким образом, связи с противоречивостью понятия полусогласного мы не используем данный термин.

¹⁰ Кроме того, в румынской лингвистической традиции, к которой принадлежат Й. Киторан и С. Марин, арумынский язык относится к диалектам румынского, однако в их работе, посвящённой румынскому языку в целом, не упомянуто о каких-то принципиальных отличиях арумынских дифтонгов от румынских.

индоевропейских языков, а выводы (Radnayeva 2019) — на основе данных языка алтайской семьи; возможно, закономерности, связанные с относительной длительностью компонентов дифтонга, относятся к числу соответствий, объединяющих языки одной семьи, однако в разных языковых семьях являются различными. Хотя можно предположить, что предложенное в (Booij 1989) правило не представляет собой исключительно индоевропейскую особенность: в некоторых работах, касающихся идиомов иных языковых семей, она также выявляется — так, в (Zhang, Hu 2019) авторы приходят к выводу, что в варианте китайского диалекта сянь, распространённом в г. Сюйпу, традиционно выделяемые восходящие дифтонги являются бифонемными сочетаниями, а к фонологическим дифтонгам относятся только дифтонги нисходящие (Zhang, Hu 2019: 3963).

Если мы предположим, что вышеописанная теория верна для индоевропейских языков и фонологическая система языка билингвов наподобие старших поколений арумын Селеницы (т. е. знающих оба языка с рождения при доминантном албанском) является единой и для албанского, и для арумынского кода, то «перестройка» арумынских дифтонгов под албанские объяснима и с фонологической точки зрения.

Возможная нехарактерность селеницкого произнесения дифтонгов для северноарумынской зоны

Следует оговориться, что в посвящённой албанскому языку и его диалектам монографии А. В. Десницкой отмечено, что в албанских говорах Мюзекки дифтонги [ua], [ye], [ie] в открытых слогах внутри слова и в закрытых слогах являются восходящими (Desnitskaya 1968: 269–270). Мы вынуждены отметить, что в нашем распоряжении нет более поздних работ, которые были бы посвящены мюзекерским дифтонгам: Б. Беци в монографии по албанской диалектологии (Beci 2016) также приводит вышеуказанные выводы А. В. Десницкой касательно зависимости произношения дифтонга от его положения в словоформе и качества слога (Beci 2016: 123).

Однако в албанской речи жителей Селеницы нами не было зафиксировано ни одного подобного случая — вышеперечисленные дифтонги всегда являются нисходящими в речи наших информантов. Возможно, использование восходящих дифтон-

гов, обозначенное уже Десницкой как консервативная черта (Desnitskaya 1968: 270), окончательно прекратилось в течение последних десятилетий под влиянием литературного языка¹¹.

Кроме того, нельзя исключать и той возможности, что арумыны Селеницы как переселенцы из более южных регионов изначально говорили на идиоме, в котором не было восходящих дифтонгов, поскольку полное отсутствие последних характерно для всего юга тоскской диалектной зоны (Desnitskaya 1968: 270) — в частности, для говоров Воскопои, откуда происходит большинство арумынских семей Селеницы, произнесение дифтонгов с ударением на первом компоненте фиксировалось ещё в конце XVIII–начале XIX века (Desnitskaya 1968: 318–319).

По гипотезе М. С. Морозовой, южнотоскская инновация, выразившаяся в закреплении нисходящего характера дифтонгов, распространилась в конце XV–начале XVI века (Morozova 2013: 593). Длительное сохранение в говоре переселенцев фонетических явлений, несмотря на их отсутствие в доминантном говоре, наблюдается и в других идиомах, в том числе принадлежащих к Балканскому языковому союзу: так, отмечается, что в настоящее время в речи проживающих в Тиране носителей гегского диалекта по-прежнему присутствует противопоставление гласных по долготе/краткости, несмотря на интенсивное влияние литературного (тоскского) албанского языка (Riverin-Coutlée et al. 2021: 1452).

Мы можем предположить, что процессы, проходящие с [ea] и [oa] в говоре Селеницы, характерны именно для арумынских идиомов данного региона, но не для всей североарумынской зоны. Для сравнения: в говоре македонских арумын с. Крушево в определённых позициях в ударных слогах имеет место варьирование [ea] и гласного переднего ряда, однако в начале слова [ea] реализуется как [ja], а [oa] может реализоваться как [ua]; после палатальных же и палатализованных [ea] переходит в [a] (Gołąb 1984: 29–34), в то же время в безударных слогах наблюдается редукция [ea] > [i], [oa] > [u] (Gołąb 1984: 46).

¹¹ На наш взгляд, представляет интерес частичное сохранение восходящего характера дифтонгов в арбрешских диалектах, таких, как, например, говор Сан-Марцано (Shkurtaj 2004: 72) — дополнительное свидетельство того, что изначально в албанском также существовала более явная вариативность в произнесении дифтонгов.

Заемствование фонетико-фонологических закономерностей в других ситуациях языкового контакта

Ситуации заимствования языковых закономерностей, но не единиц, в ситуации билингвизма уже фиксировались среди других языковых меньшинств: так, например, ещё в 1960 г. Э. Р. Тенишев, исследуя фонологию саларского языка, приходит к выводу, что «влияние китайского языка глубоко проникло в структуру саларского <...> вместе с китайскими словами были не только восприняты отдельные звуки, но был усвоен и сам процесс переходов палатализованных смычных зубных в аффрикаты» (Тенишев 1960: 101).

В русистике бытует теория, предполагающая развитие аканья в русском языке, по меньшей мере, частично под влиянием гармонии гласных в финно-угорском субстрате (Кnyazev 2000: 75). При изучении языковой ситуации Закарпатья было отмечено, что просодика венгерских говоров данного региона претерпела значительные изменения под влиянием просодики находящихся в контакте с ними говоров украинского и словацкого языков (Агра 1973: 4).

Что касается балканских языков, то И. Савицка отмечает, что в македонском языке, вероятно, в силу его активной интерференции с греческим частотны вокальные кластеры, обычно нетипичные для языков славянской группы (Sawicka 1997: 26–30), а также в (Sawicka 2021) приходит к заключению, что в первую очередь именно под влиянием греческой фонологической системы македонский язык сохранил назальность (Sawicka 2021: 349).

Дальнейшие исследования фонетики говоров балканских меньшинств и находящихся с ними в контакте говоров доминантных языков, несомненно, позволят установить, насколько распространено и как происходит заимствование фонетических закономерностей среди идиомов Балканского языкового союза.

Противоположные направления заимствований закономерностей в североарумынских и южноарумынских говорах: возможная причина

Итак, можно полагать, что в находящемся в фокусе нашего внимания говоре Селеницы имело место заимствование структуры албанских дифтонгов, в то время как при контакте южноарумынских говоров с греческим, напротив, структура арумын-

ских дифтонгов влияет на фонетику греческих говоров северо-запада Греции. Однако вследствие этого возникает вопрос, по какой причине заимствование произошло в «разных направлениях». В ряде перечисленных выше исследований наглядно продемонстрирована возможность заимствования языковых закономерностей из субстратного языка в доминантный — см., например, (Knyazev 2000; Bužarovska 2020; Tsimpli et al. 2022).

С нашей точки зрения, причина заключается в отсутствии дифтонгов в современном литературном греческом языке. Можно предположить, что становление дифтонгов в северо-западных греческих говорах произошло в связи с крайне высокой частотностью [ea] и [oa] в южноарумынской речи.

С другой стороны, в таком случае встаёт вопрос, почему имело место развитие дифтонгов в греческих говорах, а не полная их утрата в арумынском. Но, хотя причины именно такого направления развития мы на данный момент не можем объяснить исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, известны свидетельства аналогичных фонетических процессов и в других идиомах. Так, в (Vollmann, Moosmüller 1999) на примере нескольких записей речи одних и тех же информантов, сделанных с промежутком в десять лет, демонстрируется, что, вероятнее всего, в венском стандартном варианте немецкого языка тенденция к монофтонгизации усилилась под влиянием венского диалектного варианта, где она фиксировалась уже в 1950-е годы (Vollmann, Moosmüller 1999: 348).

Что касается нисходящего характера дифтонгов в речи арумын Селеницы, албанские дифтонги представляют собой обширную и также весьма частотную группу, поэтому какое-то влияние на их структуру со стороны дифтонгов из фонологической системы языка меньшинства представляется нам маловероятным в принципе, в то время как обратное влияние вполне возможно.

Таким образом, если наша гипотеза верна, она свидетельствует о том, что вероятность заимствования как единиц, так и языковых закономерностей усиливается при а) отсутствии соответствующих заимствуемым единиц/закономерностей в системе языка-реципиента; б) частотности заимствуемых единиц/закономерностей в языке-доноре. При этом первая из причин является фонологической, вторая касается фонетики, что дополни-

тельно подтверждает необходимость комплексного, фонетико-фонологического взгляда на языковую интерференцию.

Выводы

Исходя из результатов фонетического анализа наших материалов, мы можем сделать следующие выводы:

1) В говоре Селеницы присутствуют дифтонги [ea] и [oa], крайне нехарактерные для североарумынской диалектной зоны. Это может быть отличительным признаком малоизученной группы мюзекерских говоров.

2) Ситуация с использованием дифтонгом [ea] и [oa] в речи информантов из Анилио соответствует изначально ожидаемой, из чего можно сделать вывод, что по этому параметру арумынский говор Анилио является типичным представителем южно-арумынской диалектной зоны.

3) Фонетические особенности исследуемых дифтонгов в говорах Селеницы и Анилио различаются: в Селенице большей длительностью обладает первый элемент дифтонга, в то время как в Анилио — второй. На наш взгляд, ситуация в говоре Селеницы вызвана влиянием фонетической структуры албанского языка, где, как правило, преобладают нисходящие дифтонги, а восходящий характер дифтонгов Анилио отражает исконное восточнороманское состояние.

4) Если фонологическая система языка билингвов Селеницы едина и для албанского, и для арумынского кода, вероятно, изменение структуры арумынских дифтонгов закономерно и с фонологической точки зрения в связи с невозможностью одновременного наличия в фонологической системе восходящих и нисходящих дифтонгов.

5) Нельзя исключать возможности того, что нисходящий характер дифтонгов в говоре Селеницы развился ещё до переселения его носителей из Воскопои в результате контакта с албанскими говорами южнотоскской зоны в конце XV—начале XVI века, так как, по данным некоторых исследователей, нисходящие дифтонги не характерны для албанских говоров Мюзекки.

6) Возможно, причиной того, что в Селенице заимствование структуры дифтонгов прошло из доминантного языка в язык меньшинства, в то время как в Анилио имела место обратная ситуация, является частотность дифтонгов в албанском и отсутствие их в литературном греческом языке.

Заключение

Как мы можем наблюдать из имеющейся в нашем распоряжении литературы, исследование природы дифтонгов крайне затруднено в связи с отсутствием консенсуса относительно самого понятия дифтонга. Как единица, состоящая из двух компонентов, дифтонг вызывает ряд вопросов и с фонологической, и с фонетической точки зрения.

Вслед за специалистами Санкт-Петербургской лингвистической школы мы полагаем, что оптимальный подход к изучению дифтонгов должен отталкиваться прежде всего от их реализации в звучащей речи. Фонологические обобщения, на наш взгляд, правомерны лишь с опорой на результаты всестороннего фонетического анализа.

Применительно к нашему материалу на данном этапе сделать подобные обобщения затруднительно, так как фонетика балканских языков изучена мало, а работы, посвящённые артикуляторной и акустической фонетике, крайне редки. Однако нам представляется, что без составления фонетической базы данных балканских идиомов и уже на её основы выявленных фонологических закономерностей неизбежны неполные и противоречивые результаты исследований.

Всестороннее исследование арумынских говоров Селеницы и Анилио может послужить этапом подготовки к созданию такой базы. Дальнейшая наша работа будет включать в себя акустический анализ дифтонгов, артикуляторный и акустический анализ прочих звуков, присутствующих в говорах, привлечение данных супrasegmentной фонетики.

Литература

- Ahmanova, O. S. 1966: *Slovar' lingvističeskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
Ахманова, О. С. 1966: *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия.
- Altimari, F. 1987: Sistemi zanor i së folmës arbëreshe të Ejaninës (Kalabri). Gj. Shkurtaj (përkth. nga ital.). *Dialektologjia shqiptare* 5, 363–371.
- Arpa, S. S. 1973: [The melodics of Hungarian colloquial speech in comparison with the melodics of Ukrainian and Slovak colloquial speech of the residents of Zakarpattia Oblast of the UkSSR] In: *Symposium po problemat karpatskogo yazykoznanija (24–26 aprelya 1973 g.)*. Tezisy dokladov i soobshcheniy. [Symposium on Problems of Carpathian Linguistics (24–26 April 1973). Abstracts of lectures and presentations]. Moscow: Nauka, 4–5.

- Арпа, С. С. 1973: Мелодика венгерской разговорной речи в сравнении с мелодикой украинской и словацкой разговорной речи жителей Закарпатской области УССР. В сб.: *Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.). Тезисы докладов и сообщений*. М.: Наука, 4–5.
- Baltazani, M., Topintzi, T. 2009: The phonology and phonetics of glides in North-Western Greek dialects. *Modern Greek Dialects and Linguistics Theory* 4 (1), 61–74.
- Bara, M., Kahl, T., Sobolev, A. N. 2005: *Yuzhnoarumynskiy govor sela Turia (Pind)* [*The South Aromanian dialect of the village Turia (Pindos)*]. München: Biblion Verlag.
- Бара, М., Каль, Т., Соболев, А. Н. 2005: *Южноарумынский говор села Турья (Пинд)*. München: Biblion Verlag.
- Baykova, O. V., Baykova, A. V. 2020: [On the acoustic structure and phonological status of diphthongs in the German dialect islands (based on the data from Sozimsky and Chernigovsky villages of Kirov Oblast)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"* [*Papers of Tver State University. Philology Series*], 2 (65), 13–22.
- Байкова, О. В., Байкова, А. В. 2020: Об акустической структуре и фонологическом статусе дифтонгов в немецких островных диалектах (на примере посёлков Созимский и Черниговский Кировской области). *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*, 2 (65), 13–22.
- Beci, B. 1982: E folmja e Mirditës. *Dialektologjia shqiptare* 4, 26–143.
- Beci, B. 2016: Struktura dialektore e shqipës. Një qasje e re. Tirana: UET Press.
- Beci, B. 2007: Të folmet qëndrore të shqipës së veriut. Tirana: EDFA.
- Bondarko, L. V., Volskaya, N. B., Kuznetsov, V. I., Svetozarova, N. D., Skrelin, P. A. 2000: *Fonologiya rechevoy deyatel'nosti* [Phonology of speech act]. Saint-Petersburg: Izdatelstvo SPb universiteta.
- Бондарко, Л. В., Вольская, Н. Б., Кузнецов, В. И., Светозарова, Н. Д., Скрелин, П. А. 2000: *Фонология речевой деятельности*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Booij, G. 1989: On the representation of diphthongs in Frisian. *Journal of Linguistics* 25, 319–332.
- Brâncuş, G. 2009: *Kërkime mbi fondin trako-dak te gjuhës rumune*. L. Topçiu (përkth. nga rumunishtja). Tirana: Shtëpia Botuese 55.
- Bužarovska, E. 2020: The Contact Hypothesis Revised: DOM in the South Slavic Periphery. *Journal of Language Contact*, 13, 57–95.
- Capidan, Th. 1932: *Aromânii. Dialectul aromân. Studiu lingvistic*. Bucureşti: Academia Română.
- Caragiu-Marioţeanu, M. 1964: Phonologie aroumaine. *Revue roumaine et linguistique* 9, 535–545.
- Chernyak, A. B. 1990: [The Aromanian language]. In: A. V. Desnitskaya et al. (eds.) *Osnovy balkanskogo yazykoznaniiya. Yazyki balkanskogo regiona. Ch. 1 (novogrecheskiy, albanskiy, romanskiye yazyky)* [*Basics*

- of Balkan linguistics. The languages of the Balkan region. P. 1 (Modern Greek, Albanian, Romance languages)*. Leningrad: Nauka, 192–220.
- Черняк, А. Б. 1990: Арумынский язык. В кн.: А. В. Десницкая и др. (ред.) *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1 (новогреческий, албанский, романские языки)*. Л.: Наука, 192–220.
- Chitoran, I. 2002: A perception-production study of Romanian diphthongs and glide-vowel sequences. *Journal of the International Phonetic Association* 32 (2), 202–222.
- Chitoran, I., Marin, S. 2019: Vowels and diphthongs: the articulatory and acoustic structure of Romanian nuclei. In: M. Gibson, J. Gil (eds.). *Romance Phonetics and Phonology*. Oxford: Oxford University Press, 118–132.
- Cimochowski, W. 1951: *Le dialecte de Dushmani: description de l'un des parlars de l'Albanie du nord*. Poznań: Poznańskie товарищество przyjaciół nauk.
- Coteanu, I. 1961. *Elemente de dialectologie a limbii române*. București: Editura științifică.
- Çeliku, M. 1990: E folmja e qytetit të Durrësit dhe e rrethinave të tij. *Dialektologjia shqiptare* 6, 285–328.
- Dahmen, W., Kramer, J. 1985: *Aromunischer Sprachatlas. Atlasul lingvistic aromân. Bd. 1*. Hamburg: Buske.
- Dahmen, W., Kramer, J. 1994. *Aromunischer Sprachatlas. Atlasul lingvistic aromân. Bd. 2*. Veitshöchheim bei Würzburg: Wissenschaftlicher Verlag A. Lehmann.
- Dahmen, W., Kramer, J. 1976: Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Jahre 1976. *Balkan-Archiv, Neue Folge* 1. Berlin: Lehmann, 7–78.
- Desnitskaya, A. V. 1968: *Albanskiy yazyk i yego dialekty [The Albanian language and its dialects]*. Leningrad: Nauka.
- Десницкая, А. В. 1968: Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука.
- Dukel'skiy, N. I. 1958: [The method of transplanting speech sounds in phonetics]. *Voprosy yazykoznaniiya [Questions of linguistics]* 1958-1, 85–96.
- Дукельский Н. И. 1958: Метод пересадки звуков речи в фонетике. *Вопросы языкознания* 1958 (1), 85–96.
- Elezović, G. 1950: [More significant differences between two groups of dialects in the Albanian language: Geg and Tosk]. *Južnoslovenski filolog [South Slavic philologist]* XVIII, 107–122.
- Елезовић, Г. 1950: Знатније разлике између две групе говора у арбанашком језику: гегиске и тоскиске. *Јужнословенски филолог* XVIII, 107–122.
- Gogin, G. 2006: *Diftongii ascendenți (studiu de fonetică experimentală)*. Chișinău: Academia de Științe a Republicii Moldova, Centrul de Instruire Universitară, Postuniversitară și Perfectionare.

- Goľab, Z. 1984: *The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia, SFR Yugoslavia*. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts.
- Gosturani, Xh. 1975: E folmja e Hasit. *Dialektologjia shqiptare* 3, 211–269.
- Harlamova, A. V. 2016: *Affrikaty v arumynskoy spontanoy rechi (na materiale govorov s. Kranea/Turia i g. Resen)*. [Affricates in Aromanian spontaneous speech (based on data from the dialects of the village Kranea/Turia and the town Resen)]. Thesis presented in fulfillment of the requirements of the Bachelor of Arts degree. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University.
- Харламова А. В. 2016: Аффрикаты в арумьнской спонтанной речи (на материале говоров с. Кранья/Турья и г. Ресен). Дипломная работа на соискание степени бакалавра гуманитарных наук. СПб.: СПбГУ.
- Harlamova, A. V. 2019: [Phonetic features of the Aromanian dialect of the town of Selenica (Albania): results of a preliminary study]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 23 (2), 1076–1086.
- Харламова, А. В. 2019 (6): Фонетические особенности арумьнского говора г. Селеница (Албания): результаты предварительного исследования. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23 (2), 1076–1086.
- Hitas, F. 2017: *Sti skia tu iliu. To Anilio tis Pindu [In the shadow of the sun. Anilio of Pindos]*. Athens: Eptalofos ABEE.
- Χήτας, Φ. 2017: *Στη σκία του ήλιου. Το Ανήλιο της Πίνδου*. Αθήνα: Επτάλοφος ΑΒΕΕ.
- Hoxha, S. 1990: E folmja e Arnit. *Dialektologjia shqiptare* 6, 57–188.
- Kahl, T. 1999: *Ethnizität und räumliche Verteilung der Aromunen in Südosteuropa*. Münster: Institut für Geographie der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster.
- Keshi, S. 2005: Disa dukuri për të folmen e Mbiudhës së Maqellarës në Dibër. *Dialektologjia shqiptare* 7. Tirana: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 158–220.
- Knyazev, S. V. 2000: [On the question of mechanics of the appearance of akanye in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya [Questions of linguistics]* 2000 (1), 75–101.
- Князев, С. В. 2000: К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке. *Вопросы языкознания* 2000 (1), 75–101.
- Kokka, M. 1992: *Texte aromâne din comuna Nêa-Zoi, jud. Tricala (Grecia)*. București: Universitatea București, Facultatea de Litere.
- Kolgnji, J. 2002: *Palatalization in Albanian: An Acoustic Investigation of Stops and Affricates*. Presented to the Faculty of the Graduate School of the University of Texas at Arlington in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Arlington: University of Texas.
- Konyor, D. V. 2022: *Leksicheskiye sistemy v situatsii tesnogo yazykovogo kontakta: slavyanskiy i rumynskiy govory Karashevo [Lexical*

- systems in a situation of close language contact: the Slavic and Romanian dialects of Caraşova*. Saint-Petersburg: Nauka.
- Конёр, Д. В. 2022: *Лексические системы в ситуации тесного языкового контакта: славянский и румынский говоры Карашево*. СПб.: Наука.
- Kramer, J., Dahmen, W., Fiacre, K.-J., Kramer, B., Ritter, A., Römer, C., Schlösser, R. 1978: Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Sommer 1977 und im Frühjahr 1978. *Balkan-Archiv. Neue Folge* 3, 15–70.
- Kramer, J., Wild, B., Fiacre, K.-J., Schlösser, R., Wessling, M. 1981: Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Frühjahr 1980 und im Sommer 1980. *Balkan-Archiv. Neue Folge* 6, 7–80.
- Marin S. Romanian diphthongs /ea/ and /oa/: an articulatory comparison with /ja/ – /wa/ and with hiatus sequences. *Revista de Filologie Română* 31, 83–97.
- Maddieson I. 2023: Investigating the ‘what’, ‘where’ and ‘why’ of global phonological typology. *Linguistic Typology* 27 (2), 245–266.
- Marković, M. 2007: *Aromanskiot i makedonskiot govor od Ohridsko-Strushkiot region vo balkanski kontekst* [The Aromanian and Macedonian dialect of Ohrid-Struga region in the Balkan context]. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite.
- Марковиќ, М. 2007: *Ароманскиот и македонскиот говор од Охридско-Струшкиот регион во балкански контекст*. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите.
- Matras, Y., Adamou, E. 2021: Borrowing. In: Y. Matras, E. Adamou (eds.). *The Routledge Handbook on Language Contact*. Abingdon; New York: Routledge, 237–251.
- Morozova, M. S. 2013: [Tendencies of development of diphthongs ua / ue, ye, ie in Albanian dialects: from the center to the periphery]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 17, 584–595.
- Морозова М. С. 2013: Тенденции развития дифтонгов ua / ue, ye, ie в албанских говорах: от центра к периферии. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 17, 584–595.
- Narumov, B. P. 2001: [The Aromanian language/dialect]. In: T. Yu. Zhdanova et al. (eds.) *Yazyki mira. Romanskiye yazyki*. [Languages of the world. Romance languages]. Moscow: Academia, 636–656.
- Нарумов, Б. П. 2001: Арумынский язык/диалект. В сб.: Т. Ю. Жданова и др. (ред.) *Языки мира. Романские языки*. М.: Academia, 636–656.
- Neiescu, P. 1997: *Mic atlas al dialectului aromân din Albania și din fosta Republică iugoslavă Macedonia*. Bucharest: Editura Academiei Române.
- Papahagi, T. 1974: *Dicționarul dialectului aromân*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.

- Radnayeveva, L. D. 2019: *Slozhnyye glasnyye v vokalicheskoy sisteme* [Complex vowels in the vowel system]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo universiteta.
- Раднаева Л. Д. 2019: Сложные гласные в вокалической системе. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета.
- Riska, A. 2005: Arumunet. Shënime për gjuhën dhe kulturën. Elbasan, Sejko.
- Riverin-Coutlée, J., Cunha, C., Kapia, A., Harrington, J. 2021: Dialect features in heterogenous and homogenous Gheg speaking communities. *Interspeech 2021. Brno, Czechia*, 1449–1453. https://www.isca-speech.org/archive/pdfs/interspeech_2021/riverincoutlee21_interspeech.pdf
- Römer, C., Dahmen, W., Kramer, J., Ritter, A., Rolshoven, J., Schlösser, A. 1977: Dialektologische Forschungen bei den Aromunen im Frühjahr 1977. *Balkan-Archiv. Neue Folge* 2, 91–180.
- Rosetti, A. 1960: Asupra clasificării fonemelor semivocale (sau semi-consoane). *Fonetică și dialectologie*, II. 59–61.
- Rosetti, A. 1943: *Geschichte der rumänischen Sprache. Allgemeine Begriffe*. Bukarest: Die Dacia-Bücher.
- Rosetti A. 1934: Remarques sur les diphtongues. *Bulletin linguistique*, II. Paris; București: Librairie E. Droz; Editura "Cultura Națională", 21–33.
- Rosetti, A. 1958: Slavo-romanica. Sur la constitution du système vocalique du roumain. In: E. Petrovici (ed.) *Romanoslavica. I*. București: Asociația slaviștilor din Republica Populară Romîna, 27–30.
- Rozental', D. E., Telenkova, M. A. 1985: *Slovar'-spravochnik lingvističeskikh terminov. Izd. 3-e, dopolnennoye* [Dictionary-handbook of linguistic terms. 3rd edition, extended]. Moscow: Prosveshcheniye.
- Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. 1985: *Словарь-справочник лингвистических терминов*. М.: Просвещение.
- Saramandu, N. 2014: *Atlasul lingvistic al dialectul aromân. Vol. 1*. M. Nevacî (ed.). București: Editura Academiei Române.
- Saramandu, N. 2008(a): Concordances linguistiques entre l'aroumain et parlars daco-roumains du Banat. In: N. Saramandu. *La romanité orientale*. București; Tübingen: Editura Academiei Române; Gunter Narr-Verlag, 157–164.
- Saramandu, N. 2008(b): Les dialectes roumains au nord et au sud du Danube. In: N. Saramandu. *La romanité orientale*. București; Tübingen: Editura Academiei Române; Gunter Narr-Verlag, 167–178.
- Saramandu, N. 2008: « Généalogique » et « typologique » points de vue sur la formation des dialectes roumains. In: N. Saramandu. *La romanité orientale*. București; Tübingen: Editura Academiei Române; Gunter Narr-Verlag, 128–133. (c)
- Sawicka, I. 1997: *The Balkan Sprachbund in the light of phonetic features*. Warszawa: Wydawnictwo Energeia.

- Sawicka, I. 2021: The origin of nasality in Macedonian dialects. *Vilnius University Open Series. Studies in Baltic and Other Languages*, 340–353.
- Shkurtaj, Gj. 2004: L'importanza dei dati delle parlate arbëreshe d'Italia per la storia della lingua albanese e per gli studi sulla dialettologia albanese. In: *Atti del 3o seminario internazionale di studi albanesi (Rende — Lungro — Frascineto — S. Basile, 18–21 dicembre 1997). Omaggio ad Antonino Guzzetta*. Calabria: Università della Calabria, 69–81.
- Tenishev, E. R. 1960: [From observations of the Salar language]. *Voprosy yazykoznanije [Questions of linguistics]* 1960 (4), 37–52.
Тенишев Э. Р. 1960: Из наблюдений над саларским языком. *Вопросы языкознания* 1960 (4), 37–52.
- Tsimpli, I. M., Prentza, A., Kaltsa, M. 2022: Bidirectional Language Contact Effects at the DP Domain: The Case of Greek and Vlach Aromanian Speakers. *Languages*, 7. <https://www.mdpi.com/2226-471X/7/2/150/pdf>
- Vollmann, R., Moosmüller, S. 1999: The change of diphthongs in Standard Viennese German: the diphthong /æ/. In: *Proceedings of the 14th International Congress of Phonetic Sciences, San Francisco, CA, USA, 1999*. San Francisco: University of California, 345–348.
- Vrabie, E. 2008: *An English-Aromanian (Macedo-Romanian) Dictionary*. D. Dyer (foreword). Oxford, MS: University of Mississippi.
- Weigand, G. 1888: *Die Sprache der Olympo-Walachen nebst einer Einleitung über Land und Leute*. Leipzig: Johann Ambrosius Barth.
- Weigand, G. 1895: *Die Aromunen. Ethnographisch-philologisch-historische Untersuchungen über das Volk der sogenannten Makedo-Romanen oder Zinzaren. Erster Band. Land und Leute*. Leipzig: Johann Ambrosius Barth.
- Xhaferri, H. 1990: E folmja e Tomoricës. *Dialektologjia shqiptare* 6, 329–370.
- Zabulene, L. 1976: [On the principles of phonological analysis of diphthongs in synchrony and diachrony]. *Kalbotyra* 27 (3), 87–101.
Забулене, Л. 1976: О принципах фонологического анализа дифтонгов в синхронии и диахронии. *Kalbotyra* 27 (3), 87–101.
- Zhang, Z., Hu, F. 2019: Vowels and Diphthongs in the Xupu Xiang Chinese Dialect. *Interspeech 2019. Graz, Austria*, 3960–3964. https://www.isca-speech.org/archive/pdfs/interspeech_2019/zhang19m_interspeech.pdf